

ERNST MORITZ ARNDT
UNIVERSITÄT GREIFSWALD

Wissen
macht
Seit 1456

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ
ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ

ST.PETERSBURG
STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCXXIV

Phraseologie und Text

**Materialien
der XXXVIII. internationalen
wissenschaftlich-methodischen Konferenz
Fakultät für Philologien und Kunst der
Staatlichen Universität Sankt Petersburg**

A. Savchenko, V. Mokienko, H. Walter (Hrsg.)

Greifswald – Sankt Petersburg 2010

пишет М.В. Иванова, а Я.Б. Княжнин в комедии "Хвастун" (1784 или 1785 г.): "Богатства у него и знатности палата; И графы и князья все с ним запанибрата." (В издании XVIII в. раздельно: *за панибрата*). Примечательно, что Я.Б. Княжнин, возможно, имел польские корни и происходил из старинного шляхетского рода. В 1791 г. употребил это выражение и В.В. Капнист в своей комедии "Ябеда": "А с Уголовною Гражданская палата, Ей-ей, частехонько живет запанибрата".

Таким образом, заимствована могла быть только наиболее ранняя форма этого польского выражения, отсюда и загадочное *-и-* в слове *запанибрата*, которое в действительности является редуцированным безударным *e* – окончанием польского звательного падежа (*panie bracie*).

ЛИТЕРАТУРА

БМС 1998: *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 1998.

Иванова 1993: *Иванова Т.В.* Запанибрата // Русская речь. 1993. № 5. С. 99-101.

Мокиенко 2000: *Мокиенко В.М.* К украинско-польским лексическим и фразеологическим взаимодействиям (укр. *халява* – пол. *cholewa* – рус. *халява, на халяву*) // *Studia z filologii słowiańskiej* ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłóś. Pod red. Henryka Wróbla. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. – S. 171-181.

Николаева, Николаев 1996: *Николаева Е., Николаев С.* «Андроны едут». (Историко-этимологический этюд) // *Slavia Orientalis*. 1996. N 4. S. 503-508.

Ничипорчик Е. В.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

О ФАКТОРАХ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПАРЕМИЙ

Обращение к текстам, отражающим употребление паремиологических единиц в речи, убеждает, что интенциональные значения той или иной паремии не могут быть строго дефинированы. Это не означает, однако, что прагматический потенциал паремий представлен открытым списком непрогнозируемых функций. Есть все основания полагать, что функционирование паремий в речи характеризуется целым рядом "ком-

муникативно значимых семантических закономерностей” [1, с. 9]. Наличие таких закономерностей обусловлено, с одной стороны, знаковой природой паремиологических единиц, детерминируемой знаковой природой “континуумностью сферы значения”, а следовательно, “слитностью значения и смысла” [2, с. 111; 3, с. 100], с другой стороны, существованием коммуникативных стереотипов, позволяющих человеку в процессе общения использовать и распознавать “структуры инвариантного типа” [4, с. 65]. Естественно, что “не все элементы общения могут иметь соответствия в языковой структуре”, однако, как утверждает Г.Г. Поцепцов, “прогнозируемые элементы общения – это как раз те, к которым мы приходим, опираясь на знание явных и скрытых элементов языковой структуры” [1, с. 29]. Что же служит основой для проявления типичного, а следовательно, прогнозируемого в функционировании паремий в речи и что обуславливает вариативность, непредсказуемость их интенциональных значений?

На наш взгляд, состав факторов, в той или иной мере детерминирующих интенциональные значения паремий, может быть определён следующим образом: 1) формально-грамматический фактор – функциональной релевантностью обладает императивность / неимперативность грамматического значения предикатной словоформы; 2) предметный фактор – мотивирующей основой для формирования интенционального значения выступает объективированное содержание языковой единицы, тип денотативной ситуации; 3) оценочный фактор – значимым является статус признаков характеристик в ценностной картине мира и детерминируемый этим статусом тип отношений к носителям признаков / положению дел в целом; 4) ситуативный фактор – представляет целый комплекс значимых характеристик речевой ситуации, а именно: о ком – адресате, адресанте, третьих лицах – или о чём идёт речь, каковы избираемые речевые стратегии и тактики, обстоятельства речевого действия, отношения между коммуникантами и др. Данный перечень показывает, что интенциональные значения паремий, или её смыслы (если под смыслом понимать цель общения [1, с. 15]), обусловлены как собственно лингвистическими, так и нелингвистическими факторами. Каким же образом проявляют себя эти факторы в дискурсивных реализациях паремиологических единиц?

Начнём с анализа формально-грамматического фактора. Каждому исследователю паремиологических единиц знакома ситуация, когда анализ семантических особенностей паремий находится в определённой зависимости от того, императивной или неимперативной является форма предиката, то есть императивной или дескриптивной по цели означивания является паремия. Именно данный критерий – цель означивания – исследователь Л.Б. Савенкова предлагает учитывать при анализе паремий

в функциональном аспекте и считает, что с учётом данного критерия все паремии могут быть дифференцированы на констатирующие и рекомендуемые [5, с. 298]. Такая точка зрения является весьма привлекательной (см. также деление речевых актов по характеру выражаемого сообщения на констативные и неконстативные [6, с. 60]), так как, действительно, паремии, представляемые как “свод неписаных законов народной жизни”, то есть мыслимые вне контекстного употребления, своей формально-грамматической организацией, лексическим составом указывают на цель означивания – “характеризовать и оценивать обозначаемое или рекомендовать определённое поведение в некой типовой ситуации” [5, с. 298]. Следует, однако, уточнить, что в данном случае понимается под термином “означивание”. По-видимому, исследователь обращается только к физической составляющей референции высказывания, то есть к фрагменту действительности, осмысляемому как предмет речи тем или иным образом. Формальная организация сообщения сигнализирует об избранном способе трансформации предмета реальной действительности в предмет речи и позволяет определить функциональное назначение паремии практически без учёта конкретных условий её реализации.

Традиционное понимание референции высказывания, действительно, относит нас к положению дел, фрагменту действительности и конструируемому в нашем сознании отношению к нему как к предмету речи. Однако есть и другое понимание референции, в соответствии с которым означиванию подвергается не только физический референт и способ его трансформации в мир идей, но и реализуемое высказыванием речевое действие, релевантные для понимания смысла сообщения знания коммуникантов [7, с. 8 – 9]. Значения, которые представляют социально-коммуникативный и когнитивный аспекты референции, М.В. Никитин называет семиоимпликационными; их выразителями могут быть как собственно языковые формы, так и экстралингвистические составляющие речевого поведения говорящего: просодика, жесты, мимика [8, с.28].

В соответствии с данной точкой зрения паремия как высказывание, а не отвлечённая единица паремиологического фонда языка служит маркером не только отражённых в языковой структуре типов отношений говорящего к внеязыковой действительности, связанных с переводом их в предмет речи, но и типов отношений к самому процессу общения в целом и к адресату в частности. Из этого следует, что определяемая формой потенциальная обобщённая функция паремии как “деконтекстуализированной” единицы (см. о деконтекстуализации выражений, получивших статус воспроизводимых единиц [9, с. 590]) и цель употребления паремии как единицы в каждом конкретном случае вновь контекстуализированной, осмысленной с “тем или иным, различающимся в зависимости от обстоятельств произнесения имплицитным содержанием” [10, с. 399 –

400], – понятия не однозначные.

Каким же образом соотносятся между собой заданная языковой формой потенциальная функция паремии, назовём её конвенциональной, и дискурсивная, иллокутивная функция, обусловленная тактическими и стратегическими целями общения? Очевидно, что конвенциональная функция в силу своей выраженности подвергается актуализации и выступает как средство для реализации той или дискурсивной функции. Конвенциональная императивная функции может служить реализации иллокутивной функции совета, рекомендации, назидания; конвенциональная констатирующая функция – осуждения, утешения, предупреждения, оправдания и др. Ср.: **“Не зная (не спросясь, не вызнав) броду, не суйся (не лезь) в воду.** Не берись за незнакомое или опасное дело без достаточных знаний, опыта, подготовки. Говорится, когда кто-л., начиная новое дело, терпит неудачу из-за неосведомленности, неопытности; может быть использовано как рекомендация не спешить, наблюдать, поучиться и т. п. *Сегодня мужество нужно для того, чтобы остановить бульдозер. И признать очевидное: нельзя соваться в воду, не зная броду, нельзя продолжать эксперимент, последствия которого для города могут быть не менее катастрофическими, нежели падение Тунгусского метеорита.* (Огонёк, № 7. 1989)” [11, с. 45]; **“Слезам горю не поможешь.** Сетования, слезы ничего не могут изменить в сложившейся ситуации. Говорят, желая прекратить сетования, жалобы, успокоить плачущего. *Плечи его судорожно вздрагивали. Предчувствие предсказывало мне, что он вот-вот разревется или, вернее сказать, разрыдается. – Слезам горю не поможешь, – сказал я. – Так учит народная мудрость.* (А. Алексин. Очень страшная история) [11, с. 259]; **“Выше головы (себя) не прыгнешь.** Нельзя сделать что-л., превышающее собственные возможности кого-л. (материальные, физические, психические); нужно реально смотреть на вещи. Употребляется часто как оправдание невозможности что-л. совершить или средство урезонить, остановить слишком ретивого, строящего далеко идущие планы. *Общежитий в МТС нет. Ютятся, где попало... И разобраться – директор не виноват. Опять же – не дадут ему денег на строительство. Выше головы не прыгнешь.* (В. Овечкин. В одном колхозе)” [11, с. 80].

Однако могут наблюдаться и случаи деактуализации конвенциональных значений, замещения их вторичными значениями, отражающими нетипичные для данной языковой единицы дискурсивные реализации. Ярким свидетельством своеобразной “прагматической транспозиции” (термин А.Ю Масловой [6, с. 63]) является функционирование паремий с императивными формами предиката в информативном коммуникативном регистре (см. о коммуникативных регистрах [12, с. 33]): **“Клин клином вышибай** – это мой принцип. А если уж очень будет коробить – сейчас,

друг мой, хлоралгидрат: золотая штучка. Я всегда её с собой вожу. (Мамин-Сибиряк. Отрава) [13, с. 143]. Что касается паремий с неимперативными формами предиката, функционирующими в волонтактивном коммуникативном регистре, то подобные дискурсивные реализации для пословично-поговорочных выражений являются типичными, конвенциональная констатирующая функция выступает при этом основой для выражения сопутствующей ей иллокутивной функции – подталкивания к действию, совета, рекомендации и т.п.: *– Я говорила, что на сухую в такие места не ходят. Знаю я этих юристов. Не подмажешь – не поедешь, – шептала в коридоре Долинская Фетисовой. – Да, но как это сделать? И потом – сколько дать? А вдруг...* (И. Лазутин. Сержант милиции) [11, с. 223]. Следовательно, значимость формально-грамматического фактора для интенциональной семантики паремий относительна. Косвенным свидетельством этого является также вариантность грамматических форм предиката в паремиях, синонимия императивных и неимперативных конструкций, отмеченная в паремиологических словарях.

Конечно, назидательность, присущая паремиям и являющаяся их жанровой приметой, нивелирует интенции их пользователей, однако, как и любая другая воспроизводимая единица, паремия каждый раз, встраиваясь в речь говорящего, приобретает те смысловые нюансы, которые задаются речевой ситуацией, «узким контекстом ближайшей референции» [14, с. 72]. Отношение этих смыслов к содержанию самой паремии может быть различным. М.В. Никитин так определяет соотношение семиоимпликационных и собственно языковых значений: «В одних случаях семиоимпликационные значения малосущественны в речевых актах, составляя побочный значимый фон общения. В других они выступают на равных правах с знаковым значением речи, дополняя, расширяя и мотивируя его. Наконец, те и другие могут вступать в конфликт, как в случаях иронии, гиперболы, литоты, «эзоповых речей», иносказаний и т.п. [8, с. 28]. Следовательно, предметное содержание языковой единицы в любом случае оказывается значимым. Более того (если мы обратимся к собственно паремиям), присущая паремиологическим единицам константность содержательных аспектов, стабильность актуализации фоновых знаний о сопутствующих предметному содержанию ценностных ориентациях выступают основой для формирования типичных иллокутивных функций, то есть обуславливают повторяемость речевых сценариев с «некоторой заранее заданной иерархией целей» (Р. Конрад [15] цит. по [6, с. 63]).

Так, например, обращение к анализу одной из семантических групп паремий с инвариантным значением невозможности, и в частности к паремиям, в которых говорится о неправильном выборе средств достижения цели, позволяет обнаружить сходство и в их интенциональных

значениях. Типичными иллокутивными функциями таких паремий по данным толковых паремиологических словарей являются функции предостережения, совета или упрёка. Ср.: “– Ну уж ты сам езди на своих парходах, – ворчал он, размахивая палкой, – а мы и на берегу посидим. – Одно другому не мешает, родитель. – А вот и мешает! **За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь!** (Мамин-Сибиряк. Хлеб)” [13, с. 120]; “– Значит ты писал, а сам думал не о том, что пишешь, а о своём Лобзике. – Ну, вроде этого. Я и о том и о другом. Поэтому, наверно, такие результаты. – Результаты... – говорю я, – никаких результатов нет. **За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.** (Н.Носов, Витя Малеев в школе и дома)” [13, с. 120]; “Где нам общественные вопросы, экономические задачи решать, съедемся об деле говорить, а начнём о ландшафтах. Ведь нельзя ж мне одному все всё взваливать на плечи! **Шилом моря не нагреешь.** Ведь если мы хотим себе добра, мы не должны всю свою энергию употребить. (Островский. Дикарка)” [13, с. 366]; “Можно казака-новобранца вышколить на кой-какие лады и манеры; но попробуйте-ка настроить его на тот тон, которым звучит настоящее казачество, вы убедитесь, что **шилом моря не нагреешь, из глины хлеба не испечёшь.** (Железнов. Уральцы)” [13, с. 366]. Негативная маркированность обозначенных паремиями моделей поведения человека обуславливает то, что намерения говорящего сводятся к выражению желания откорректировать или осудить поведение реципиента.

Иные ценностные ориентации и соответственно иные интенциональные значения характерны паремиологическим единицам, в которых факт невозможности расценивается как удовлетворяющий интересы человека; это и отклонение своих либо чужих сомнений относительно негативного исхода дел, и одобрение избранной линии поведения, оправдание и др.: “– Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Еще молод, увлекаюсь... Ну, да это не мешает, **кашу маслом не испортишь** (А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты)” [13, с. 141]; “– Резервы подходят... с дробомётами... – пошутил Варагушин. – Прибавь к волчьей картечи двадцать восемь гранат Мильса! – в тон Варагушину сказал Семён Старцев... Рокот одобрения пронёсся в толпе. – **Кашу маслом не испортишь!** Это нашему козырю в масть! (Пермитин. Друзья)” [13, с. 141]; “– Только бы ордера! – Он еще не ясно представлял себе, что последует вслед за получением ордеров, но был уверен, что тогда все пойдет как по маслу. “**А маслом, – почему-то вертелось у него в голове, – каши не испортишь**”. Между тем каша заваривалась большая (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев)” [11, с. 136]; “Ночью фашистские самолеты сбросили очередную партию донных мин. Наш капитан в валяных сапогах – донимал ревматизм, – выслушав сообщение об этом, сказал как-то буднично, вовсе не героически: – **Надо идти, Москва**

торопит с перевозками, – и добавил: – *Раньше смерти не умрешь.* (Правда. 30.10.82)” [11, с. 264].

Тем не менее, по наблюдениям С.Н. Авериной, “паремии характеризуются, как правило, опосредованной и нежесткой связью между пропозициональным содержанием и реализуемой функцией в речи” [16, с. 12]. Различие условий коммуникации, влияние ситуативного фактора на иллокутивную силу паремии обуславливают то, что “одно и то же содержание может нести много коммуникативных прочтений” [1, с. 9]. Так, например, наблюдение над функционированием паремий, в которых говорится о невозможности искоренения порока, показывают, что иллокутивная функция таких паремий обнаруживает очевидную зависимость от того, на кого или на что направляется вектор выражаемого эмотивно окрашенного отношения, а также кто из участников речевой ситуации является носителем признака невозможности, носителем негативного качества.

Если носитель негативного качества является третьим лицом, а носитель признака невозможности генерализован, то вектор эмотивно окрашенного отношения направлен, как правило, на третье лицо и паремия служит выражению соответствующего по эмотивной окраске речевого действия – осуждения, упрёка. На эти иллокутивные функции указывают словарные дефиниции и контексты употребления подобных паремий: *“Черного кобеля не отмоешь добела. Нельзя окончательно исправить отрицательные черты характера, присущие кому-л. Говорится в осуждение человека, снова проявляющего свои отрицательные качества, которые он скрывает или пытается исправить”* [11, с.141]; – *А майор-то ...ведь с утра пьян... – Чёрного кобеля не отмоешь добела. Впервой что ль он пьян?* (Достоевский, Записки из мёртвого дома)” [13, с. 355]; *“Рядом взвыл, прикинувшись повреждённым в уме, поручик Мехоношин; визжал, скребясь в дверь и вымаливая хоть захудалого попишку – исповедаться... ругались караульщики. Рябов...только головою качал: – Ну и ну! Недаром говорится, кто жить не умел, тому и помирать не выучиться. (Ю. Герман, Россия молодая)”* [13, с. 150]. Выражению осуждения, порицания, упрёка служат паремии и в том случае, если носителем негативного признака выступает адресат: *“Вот правда пословица-то: с дураком пива не свариишь. Ведь к нам не наш брат лавочник какой-нибудь придет... Барин придет... ну, и ступай вон.* (Островский. Грех да беда на кого не живет)” [17, с. 34]. А если адресат одновременно является носителем признака невозможности (например, о жадном человеке – *В могилу с собой всего не заберёшь*; о крикливом – *Как ни надседайся, а доброй свиньи не переголосишь*), то иллокутивная функция паремии может заключаться в рекомендации изменить линию поведения, в предупреждении о тщетности усилий.

Однако, если вектор эмотивно окрашенного отношения связан с оценкой ситуации в целом, а также с субъектом как носителем признака невозможности и / или носителем негативного качества, которым является сам говорящий, паремии, могут служить выражению смирения, досады, сетования, сожаления по поводу тщетности попыток коррекции положения дел: *“Думается мне большой прохвост получится из Антонова. Сперва я ещё думал сделать из него человека, но теперь вижу, что чёрного кобеля не отмоешь добела. (Вирта. Вечерний звон)”* [13, с. 355]; *“Кажется, говорил я сам себе... что с этими уродами пива не сваришь. (Дружинин. Увеселительно-философские очерки)”* [17, с. 34]; *“Знаю мою будущность. Время мое прошло. Чёрного кобеля не отмоешь добела. (Достоевский. Униженные и оскорбленные)”* [17, с. 499].

Функциональная нагруженность паремии зависит также и от того, какой элемент общения в структуре дискурса паремиологическая единица представляет – сопутствующий прямому выражению иллокутивной установки либо собственно её выражающий. В случае сопутствия прямому выражению иллокутивной установки функциональное назначение паремии заключается в мотивировке соответствующего речевого акта (см. об этом [5, с.345; 16, с. 9]). В случае отсутствия эсплицитного выражения речевого намерения, паремия реализует двойную функцию – служит средством аргументации того или иного намерения и одновременно его маркёром. Сравни: *“– Покуда я приказчик, никто у меня прислуги не отымет, а с этой должности вы меня не имеете права сместить. – Имею. – А должок-то, двадцать-то тысяч – Возьми вексель. – Нет-с! что написано пером, того не вырубишь топором. (Ф. Решетников. Глумовы)”* [11, с. 215]; *“– А вы поменьше про это, – посоветовала старуха. – Нету – и нету, а говорить не надо. – Шила в мешке не утаишь, старая, – снисходительно сказал Стырь... (В. Шукшин. Я пришел дать вам волю)”* [11, с. 317]. В первом контексте паремия служит мотивации эсплицитно выраженного отказа, во втором – паремия реализует сразу две функции – косвенного означивания возражения и его мотивации. Очевидно, что подобные дискурсивные функции (возражения, отказа, согласия и др.) непрогнозируемы и “прочитываются” лишь в контекстном взаимодействии реплик [14, с. 75].

Таким образом, каждая конкретная речевая реализация паремиологической единицы предполагает ситуативно детерминированную иерархию смыслов с актуализацией типичных (прогнозируемых) либо случайных (непрогнозируемых) иллокутивных функций. Заданная грамматической конструкцией констатирующая либо императивная функция паремии выступает основой для выражения частной дискурсивной функции, связываемой с тем или иным речевым воздействием на адресата. Характер речевого воздействия закономерно обусловлен предметным содержа-

нием паремии, отражёнными в содержательных аспектах паремии ценностными ориентациями, направленностью выражаемого отношения, стратегическими и тактическими целями говорящего. Общность фоновых знаний о ценностях, содержательная связность элементов общения, продиктованная реализацией принципа последовательности в речевом взаимодействии, коммуникативная компетенция участников общения, проявляющаяся в знании схем речевого поведения, дают в конечном итоге ключ к верной интерпретации интенциональных значений паремий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Изд-во Киевского государственного университета, 1987.
2. Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сіntaxічнага даследавання беларускай мовы. – Мн.: Выд-ва “Навука і тэхніка”, 1976.
3. Зинченко В.П. Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. – М.: Новая школа, 1997.
4. Зелевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста. Вопросы языкознания. – 2002, № 3. – С. 62 – 73.
5. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002.
6. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие, 2-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2008.
7. Васильев В.И. Проблема соотношения когнитивных и коммуникативных компонентов высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992.
8. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. – Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996.
9. Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge. 1979.
10. Хоанг Фе. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985.
11. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов и др; под ред. В.М. Мокиенко. – Москва: Астрель: АСТ, 2007.
12. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Институт русского языка РАН, 2004.
13. Жуков В.П. Словарь пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000.
14. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и

прагматика. – М.: Икар, 2007.

15. Конрад Р. Вспросительные предложения как косвенные речевые акты / Пер. с нем. В.А. Плуныяна // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 349 – 383.

16. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные поговорки как аргументативные средства языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2005.

17. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое: опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т., Т.2. – М.: ТЕРРА, 1994.

Роголёва Е. И.

Псковский государственный педагогический университет, г. Псков

УЧЕБНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НОВОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

«Словарь – это ключ от Дома знаний по русскому языку» (4). Эта метафора А. Тихонова порождает множество вопросов. Например, о том, какой именно ключ откроет младшему школьнику дверь в мир русской фразеологии и корректно ответит на его вопросы о собаке, которую кто-то зачем-то съел, о подложенной свинье или о «каких-то кармашках, пришитых вверх»?

К настоящему времени фразеографические разработки для начальной школы представлены целым рядом словарей: «Фразеологический словарь» В.В. Волиной (2001) (1), «Учусь понимать образные выражения: фразеологический словарик» Г.М. Ставской (2002) (3), «Почему так говорят: фразеологический словарик школьника» О.Д. Ушаковой (2004) (5) и «Большой фразеологический словарь для детей» Т.В. Розе (2005) (2) и др.

Не ставя своей целью детализированный анализ данных фразеографических источников, отметим, что, с одной стороны, лексикографическая реализация стремлений авторов сделать словарь доступным и привлекательным для ребёнка не всегда адекватна критерию научности, а с другой, механический перенос словника и контекстов-иллюстраций из словарей для старших школьников или взрослых в издание для детей, пусть даже красочно и занимательно оформленное, нарушает принцип доступности из-за возрастных и психологических особенностей младших школьников.

Данные недочёты мы учли при конструировании «Нового фразеоло-